

ДРЕВНЯЯ ИРАНСКАЯ ТКАНЬ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Л. И. Якунина

В 1923 г. Государственный Исторический музей в Москве приобрел из частных рук вышитую ткань, находившуюся ранее в одной из старинных церквей в Новгороде.

В первоначальном виде эта ткань (пелена) Государственного Исторического музея представлялась в виде широкого, почти квадратного куска материи (184 см × 129 см), с одной стороны покрытого золотным шитьем, а с другой—наложенного на плотную льняную голубого цвета подкладку (крашенину). Золотная вышивка изображает религиозный сюжет: распятие с предстоящими, и как по рисунку, так и по технике выполнения отнесена специалистами к XII в., что само по себе уже определяет значительность этого нового экспоната.

Для реставрации некоторых частей вышивки пелена была отправлена в мастерские Исторического музея. Когда там поднороли подкладку, развернули освободившуюся ткань и рассмотрели вышивку, то было установлено несколько новых и чрезвычайно интересных обстоятельств:

1. Ширина основного полотнища составляла не менее 142 см, так как кромка по краям обрезана и добавочные куски пришиты к срезу шириной в 45 см.

2. Золотная вышивка оказалась сделанной на самостоятельном фоне и только прикрепленной, как и подкладка, к основной ткани, которая, таким образом, не только не пострадала от нашитой на нее вышивки, но, наоборот, сохранилась между этими двумя материями, как бы в футляре.

3. Самая ткань новгородской пелены по целому ряду признаков—иранского происхождения и может быть отнесена к VIII—IX вв. н. э.

Рассмотрим и опишем эту замечательную ткань, так неожиданно появившуюся на свет.

Материя чисто шелковая, диагонального переплетения, двойной расцветки, двустороннего тканья: с лица белый рисунок по лиловому полю, с изнанки, наоборот, лиловый рисунок на белом фоне. Окраска от времени несколько поблекла: белый цвет слегка пожелтел, лиловый—посветлел, но изящный и сложный узор выступает на обеих сторонах.

Тканый орнамент тянется повторными квадратами, напоминая полосы неразрезанных узорных платков.

Основу его составляет центральная фигура крылатого чудовища, которая по фантастическому и вместе с тем реалистическому рисунку напоми-

нает изображения ассирийского быка, но на львиных лапах. Каждая лапа перевязана лентой в один узел, и концы ее свободно развеваются, словно оборванные в разъяренном беге путы. На одной ноге они завязаны выше колена, а на остальных—на коленях. Любопытны кружки на щиколотках чудовища, в том месте, где нога быка переходит в львиную ступню.

Великолепно трактованные фронтально расположенные крылья и яростно закинутый длинный хвост придают особенную энергию фигуре, подчеркивая ее динамичность.

Массивная голова, выполненная, как и торс, более темным рельефом, увенчана украшениями и завитками, намекающими на сбрую; такие же ремни и подвески ясно обозначены на груди, боках и крупе быка-льва.

Вся эта фигура очень экономно заключена в узкую окружность, за которой расположена вереница зверей, как бы бегущих вокруг своего владыки; их фигуры перемежаются с орнаментальными украшениями сердцевидной формы.

Этот звериный хоровод обведен вторым кругом, который доходит до краев квадратного раппорта; оставшиеся незанятые четыре угла заполнены сложным орнаментом из тех же мотивов.

Весь узор занимает 72 см в поперечнике, а сечение центрального круга с фигурой чудовища—50 см.

Вся композиция в целом: вписанные в квадрат и друг в друга концентрические круги, животный и стилизованный лиственный орнамент (сердце), а также детали технического воспроизведения их— удивительно пластична, рельефна и экономична, напоминая лучшие образцы чеканного мастерства великих восточных народов. Точно весь этот замысловатый и вместе с тем строго ограниченный рисунок переведен на ткань с какого-нибудь драгоценного блюда, вычеканенного из благородного металла прихотливым мастером.

Но, с другой стороны, мы можем провести аналогию между тканью Исторического музея и некоторыми образцами, хранящимися в музеях Западной Европы; это позволит нам установить приблизительно дату и происхождение нашего экспоната.

Рисунок центральной фигуры чрезвычайно напоминает изображение гиппокампа на сасанидской ткани VII—VIII вв., хранящейся в Кенсингтонском музее в Лондоне¹. Кроме того, грива нашего чудовища выткана небольшими ромбами, как это мы видим на узоре, образующем хвост гиппокампа, однако ромбы на гриве быка-льва заполнены трехлистными пальметами, так же, как хвост и крылья.

Весь животный орнамент в целом, заключенный между двумя вписанными друг в друга окружностями, по своей композиции очень близок к орнаменту, окружающему клеймо сасанидской ткани, которая хранится в Берлинском музее и датируется VI—VII в.² Разница лишь в том, что на берлинской ткани животные, заполняющие овал, находятся в покое, на ткани же Государственного Исторического музея они изображены в движении. Эта именно особенность в изображении животных, лаконизм и выразительность рисунка свойственны искусству сасанидской эпохи: владычество династии иранских властителей Сасанидов (226—636) является периодом расцвета национальной иранской культуры и искусства. Этот национальный подъем, эта реакция против всего иноземного отразились

¹ L e s s i n g, Die Gewebesammlung des Kunstgewerbe Museums, Taf.160.

² O. F a l k e, Kunstgeschichte der Seidenweberei, Berlin, 1913, Band I, S. 84, Abb. 107.

Рис. 1. Иранская ткань VIII–IX в., покрытая шитьем XII в. (лицевая сторона)

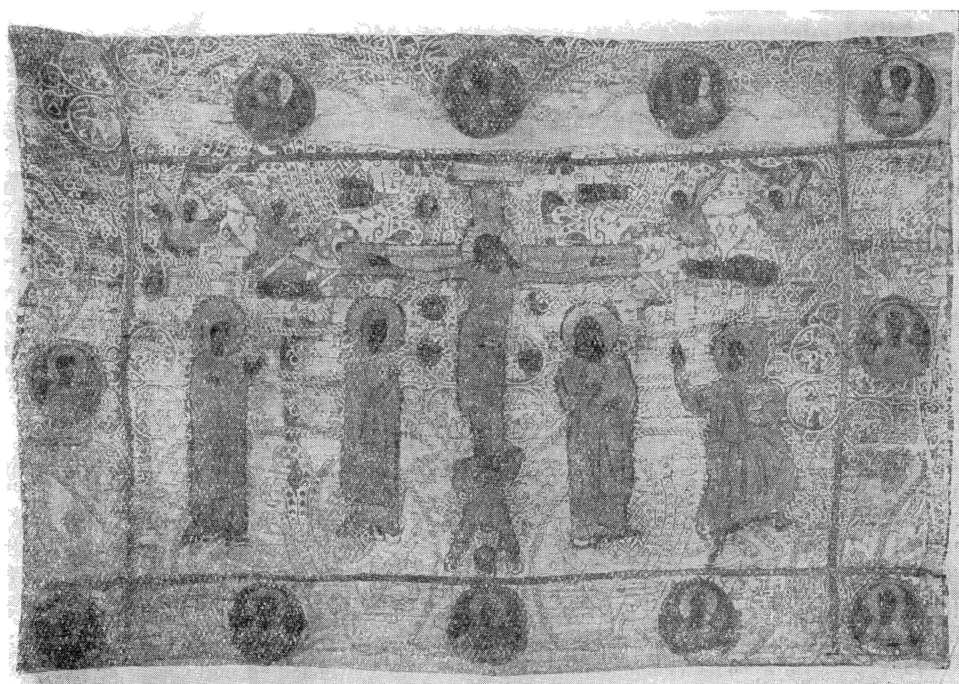

Рис. 2. Иранская ткань VIII–IX в. (оборотная сторона)

и на выделке и на орнаментировке тканей, к сожалению, дошедших до нашего времени в очень немногих образцах.

Как мы отметили выше, на груди у быка-льва вытканы украшения в виде двух полумесяцев, а под ними сделан завиток. Этот завиток повторяет рисунок предмета, вложенного в клюв утки, на сасанидской ткани VII—VIII вв., хранящейся в Ватиканском музее в Риме³.

Узор, заполняющий углы раппорта, в которые вписаны круги, состоит из небольших клейм со львами, стоящими в профиль, голову в фас; львы окружены завитками, заканчивающимися сердцевидными орнаментами. Этот сердцевидный орнаментальный мотив очень древний и часто встречается на сасанидском серебре⁴.

Наконец, кружки на суставах и перевязи на ногах быка-льва можно тоже рассматривать, как пережиток орнаментики сасанидского периода. Подобные перевязи, но в более примитивном виде, мы встречаем на двух антиноийских тканях, где изображены крылатые кони⁵. Falke видит в этих лентах остатки шарфов властителей-Сасанидов, перенесенных в виде орнамента на геральдических зверей.

Итак, описываемая ткань вполне отвечает тому определению, которое G. Migeon дает сасанидским тканям⁶. Он указывает, что самыми характерными для сасанидских тканей надо считать следующие признаки: 1) *circumrotata* («кругом колесом»), что в нашей ткани имеется. Falke⁷ полагает, что образцами для мотивов расположенных по кругу животных послужил балдахин Дария Гистаспа в Персеполисе; далее, 2) идентичное и симметричное повторение одного и того же мотива (раппорт). Опять-таки это условие вполне подтверждается на описываемой ткани. Затем G. Migeon полагает, что в сасанидских тканях главными мотивами являются: 1) *rugée*—жертвенник огня, и 2) *hop*—древо жизни. Эти последние символы как будто отсутствуют на нашем рисунке, но все же главные элементы их мы находим в деталях орнамента, а именно—в трехлистных пальметах, закрашенных в ромбах на гриве (шее) чудовища. Их рисунок совпадает с украшениями «древа жизни» сасанидской ткани Берлинского музея.

Что же касается эпохи, к которой можно отнести образец ткани Исторического музея, то нам представляется более вероятным определить ее VIII—IX вв.

После падения династии Сасанидов в VII в. в Иране развивается феодальный строй. Соответственно изменяются и требования господствующего класса, предъявленные к бытовому искусству; вместо прерогатив царской власти в орнаментике появляются геральдические животные. Но совершенная техника прикладного искусства, выработанная при роскошном дворе могущественной династии, еще живет в отдельных цехах и мастерских, давая образцы величайшего искусства, как это мы видим на нашем экспонате.

На узоре ткани Исторического музея представлен исключительно животный орнамент, исполненный притом с живостью и реализмом позднейшей эпохи. Эти обстоятельства в соединении с наличием высокой техники ткани дают нам право отнести происхождение древней ткани Исторического музея к лучшим образцам иранского искусства VIII—IX вв.

³ Ibid, S. 80, Abb. 99.

⁴ Смирнов, Восточное серебро. 1909, табл. LVI, № 90; табл. LIV, № 88; табл. XXI, № 48 и пр.

⁵ O. Falke, l. c., Band I, Abb. 48, 49 u. 50, S. 38.

⁶ G. Migeon, Les arts du tissu. Paris, 1909, p. 10.

⁷ O. Falke, l. c., S. 85.

Акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Кто были изначальными обитателями Причерноморья? На этот вопрос могут дать ответ исследователи, работающие в области так называемой первобытной археологии. По примеру Тальгрена (*La Pontide préscythique*), теперь нередко называют этот период «до-скифским», хотя правильнее было бы называть его «до-киммерийским», поскольку пребывание киммерийцев в Северном Причерноморье является фактом, засвидетельствованным письменными памятниками¹.

Если оставить в стороне все еще возбуждающие споры стихи о киммерийцах в «Одиссее» (XI, 12—19), все же должно считаться с тем, что киммерийцы упомянуты в одном из самых ранних памятников античной письменности, тогда как в гомеровском эпосе упоминания о скифах *expressis verbis* не содержится, хотя автор или авторы «Илиады» и имеют их, надо полагать, в виду, говоря о «доителях кобылиц, млекоедах» (XIII, 1—7)².

Первое вполне определенное упоминание о киммерийцах в Северном Причерноморье содержится в «Скифском рассказе» Геродота³. Он говорит, что страна, занимаемая в его время скифами, прежде принадлежала киммерийцам (IV, 11), что последние вытеснены были из нее скифами и, бежав в Азию, обосновались, повидимому, на том месте, где потом была Синопа (IV, 12). Ни Геродот, ни кто-либо другой не говорит, откуда и как попали

¹ И археологические памятники говорят о том же. См. С. П. Шестаков, Киммерийці в археології України (сборник в честь Д. И. Багалея, 1927), 302 сл., где указана и соответствующая литература предмета.

² Первое вполне определенное упоминание о скифах сохранил короткий отрывок приписанной Гесиоду поэмы «*Κατάλογος*» (fr. 55 Rzsch). Вопрос о киммерийцах у Гомера хорошо изложен Леманн-Гауптом в его руководящей статье «*Kimmerier*» в RE, XI (1922), 397—434 сл., в особенности стр. 425. Что касается разногласия ученых насчет гомеровских киммерийцев, то достаточно указать, что за последние годы почти одновременно двое исследователей приходят к диаметрально противоположному мнению: R. Hennig, *Die Geographie des homerischen Epos* («*Neue Wege zur Antike*» Heft 10, Lpzg, 1932), 77 ff., утверждает, что гомеровские киммерийцы ни в каком отношении к Северному Причерноморью не стоят, тогда как V. Lavagnini, *Un nuovo elemento per la cronologia dell'Odyssea* («*Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*», IV (1935), 255 сл.), полагает, что гомеровские киммерийцы тождественны историческим киммерийцам.

³ Отмечу, что Леманн-Гаупт, тщательно разобрав свидетельства Геродота о киммерийцах, приходит к выводу, что в своей основе эти свидетельства, подкрепляемые ассирийскими клинописными текстами, оказываются *durcharaus zutreffend* (RE, XI, 398).

киммерийцы в Северное Причерноморье, и на вопрос этот можно будет попытаться ответить лишь после того, как сведен будет в одно целое весь археологический материал, усвояемый или могущий быть усвоенным киммерийцам, и когда наметятся места их пребывания вне Скифии. Работу эту нужно будет производить осторожно, чтобы не отнести к киммерийцам то, что им, быть может, и не принадлежит. Геродот не говорит о том, вся ли Скифия принадлежала киммерийцам или часть ее. Он указывает (IV, 12) только на то, что в его время еще существовал целый ряд топонимических данных, свидетельствующих о пребывании киммерийцев в Скифии: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы, Киммерийская область⁴. Получается впечатление, что главное местопребывание киммерийцев сосредоточено было в пределах теперешнего Керченского полуострова, но как далеко оно шло на запад в Крыму и на север в степной полосе, мы сказать не беремся: тут опять-таки нужно было бы иметь в распоряжении систематизированный археологический материал. Если верить Геродоту, то около Тиры (Днестра) ему, во время его пребывания в Скифии, показывали могилу киммерийских царей (IV, 11). Однако весь рассказ, сопровождающий это указание, носит новеллистический характер, и поводом к сочинению его могла послужить показанная Геродоту около Тиры какая-то могила, которая в обиходе могла прослыть за могилу киммерийских царей. Таким образом, граница киммерийских владений в западном направлении остается под вопросом; но что им принадлежал теперешний Крым, это можно принять с большой долей вероятности.

Киммерийцы, как сказано, были вытеснены из своих владений скифами. По свидетельству Геродота, киммерийцы спаслись на южный берег Черного моря и обосновались сначала на том месте, где впоследствии находилась Синопа. Трудно допустить, чтобы это выселение было поголовным; часть киммерийцев должна была остаться в Северном Причерноморье. И вполне допустимо предположение, что остатками киммерийцев, осевшими там, было то племя, которое, по греческой терминологии, называлось таврами. Было ли это одно из киммерийских племен, или же тавры представляли собою часть киммерийцев, по неизвестным причинам оставшуюся на прежнем месте жительства, или, наконец, они загнаны были скифами в горную часть Крыма, получившего по имени их название Таврического полуострова, или просто Таврики, мы сказать не можем. Геродот, главный источник о таврах, рисует их грубым и жестоким племенем, жившим разбоем и войной, приносящим человеческие жертвы (IV, 103). По словам других древних писателей (Diod. III, 43, 5; Mela II, 11; Tac. Ann. XII, 16), главным промыслом тавров было пиратство, причем отправлялись они на него обыкновенно из бухты, лежавшей на южном берегу Крыма и называвшейся «Гаванью примет». Эту бухту отождествляют с теперешней Балаклавой⁵. Тавры продолжали жить в горном Крыму в качестве само-

⁴ Под Киммерийскими переправами, служившими границей между Европой и Азией (IV, 45), — в античном понимании этого термина — естественнее всего разуметь наиболее узкую часть Киммерийского Боспора, а под Киммерийской областью, вероятнее всего, северо-восточную часть Керченского полуострова. Список местностей, связанных с киммерийцами у Геродота, можно еще дополнить: а) Киммерийским селением, лежавшим при входе в Киммерийский Боспор, к югу от устья Антикита, и б) Киммерийским городом на Керченском полуострове (Str. XI, 494). Ср. Lehmann-Haupt, RE, XI, 434.

⁵ Некоторые, в том числе Herrmann в статье «Таυροι» (RE, V, A, 22 сл.), связывают с этой бухтой рассказ «Одиссеи» (X, 77—98) о приключениях Одиссея у лестри-

стоятельного племени вплоть до конца II в. до н. э., когда они были покорены полководцем Мифрадата Евпатора Диофантом, о чем говорится в херсонесском декрете в честь последнего (IosPE I² 352-Dittenberger, Syll³. 709), после чего вошли, вместе со всем Таврическим полуостровом, в состав Понтийского царства Мифрадата. Позднее тавры, повидимому, смешались со скифами и назывались тавро-скифами. О таврах сохранились, повидимому, в различных местах горного Крыма памятники материальной культуры (см. ук. статью Herrmann'a со ссылками на литературу предмета).

Основное туземное население Северного Причерноморья были скифы. Скифами, в частности геродотовой Скифией, у нас занимались с давних пор, начиная с Ф. З. Бауера, одного из первых наших академиков, напечатавшего еще в 1728 г. статью «О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы»; скифами занимались античники, русские историки, лингвисты, просто любители просвещения; все они занимались, однако, частями «скифской проблемы», а не всею ею в совокупности. Причина понятна. Скифская проблема—сложная проблема, потому что правильный подход к ее разрешению зависит от точного истолкования письменных источников, Геродота в первую очередь, к Скифии и скифам относящихся, и от надлежащего привлечения к делу и лингвистических и вещественных данных⁶. А последние с каждой правильно поставленной раскопкой в Северном Причерноморье накапливаются и будут накапливаться все больше и больше. Однако полезно было бы и теперь подвести итоги того, что уже сделано, выделив из результатов раскопок то, что имеет непосредственное отношение к скифам. Эти вещественные данные следует, разумеется, поставить в связь с данными письменных источников. При этом, пожалуй, правильнее было бы начать с рассмотрения последних, поскольку они, в большинстве случаев, и лучше изучены и представляют менее контроверз, чем источники археологические⁷.

В пределах настоящей статьи невозможно, конечно, говорить о скифской проблеме во всей ее совокупности: это предмет слишком обширный, сложный и во многих случаях спорный⁸. Хотелось бы только наметить те пункты

гонов. Но тут мы сталкиваемся с тем же вопросом гомеровской географии, о которой говорили выше по поводу киммерийцев.

⁶ Лишь Н. Я. Марр оставил после себя две большие работы: «Гермин «скиф», 1922 г., и «Скифский язык», 1926 г. Обе эти работы теперь вошли в V т. Избранных работ Н. Я. Марра, I—43, 191—223. В том же томе рассеяно и в других местах немало замечаний, к скифам, с лингвистической точки зрения, относящихся. Н. Я. Марр разбирал скифскую лингвистическую проблему с точки зрения нового учения о языке. Но для того, чтобы эта проблема была рассмотрена вплотную, необходимо, по правилу *audiat et altera pars*, разобрать и доводы «индоевропейцев».

⁷ Все источники, как греческие, так и латинские, относящиеся к скифам, собраны и переведены, как известно, в труде В. В. Латышева «Scythica et Caucasia», завершеном более 30 лет тому назад. Большею частью пользуются только переводами, данными в этом труде, не сверяя их с подлинниками. Хотя, в общем, переводы эти вполне удовлетворительны, но в некоторых, и иногда важных, случаях они требуют большей точности. Сверх того, некоторые из приведенных древних текстов имеются теперь в новых, более исправных изданиях, по которым переводы и следует сличать с подлинниками. Нужно отметить, что в «Scythica et Caucasia» имеется немало, так сказать, балласта, ничего, в сущности, не дающего для уяснения связанных со Скифией вопросов. Все это говорит за то, что одной из очередных задач является новое издание материала, относящегося специально к Северному Причерноморью, причем к этому изданию желательно было бы присоединить и реальный комментарий.

⁸ Хорошую ориентировку дает К. Kretschmer в своих статьях «Scythae» и «Scythia» в RE, II A. 1923, 923—946, дополнением к которым могут служить статьи в Real-

этой проблемы, которые предварительно нуждаются в специальных исследованиях. Скифия—обширная область, простирающаяся от Нижнего Истра (Дуная) до Танаиса (Дона). В ней обитали многие скифские племена, с которыми на севере соседнили племена нескифские. Эти скифские и нескифские племена ученые старались локализовать на современной карте. В одних случаях удалось добиться более или менее точных результатов, в других—точность все еще не достигнута, так что вопрос о локализации нуждается в пересмотре, в результате которого и должна была бы явиться этнографическая карта Скифии и соприкасающихся с ней областей. Равным образом, такой же пересмотр желателен и по вопросу о том, какое положение занимали скифы в среде европейских народов, так как на этот счет давались и даются разнообразные ответы, в зависимости от того, с какой точки зрения к нему приступали: антропологической, лингвистической, исторической. Необходимо всестороннее изучение вопроса на основе всего имеющегося материала, чтобы прийти к тому или иному определенному выводу. Так же сложен и не может считаться решенным вопрос о том, были ли скифы в населенной ими земле автохтонами или же они пришли в нее из других мест, и тогда—откуда именно.

В исторический кругозор скифы вступают с того момента, как они входят в соприкосновение с киммерийцами (см. выше). Реальность и этого факта некоторыми отвергается, иными словами, берется под подозрение достоверность свидетельства Геродота. Но это, повидимому, уже гиперкритика. Если статья на ее почву, пришлось бы распротиться, если не со всеми, то, может быть, со многими показаниями о Скифии, даваемыми Геродотом, знакомящим не только с географией и этнографией Скифии, но и с ее социальным и бытовым укладом. Ко всякому показанию Геродота нужно относиться бережно, и если, по тем или иным соображениям, приходится то или иное показание отвергнуть или видоизменить, нужно делать это, соблюдая правила исторической критики. Ценное дополнение к показаниям Геродота, касающимся скифского быта, дают, конечно, вещественные находки в скифских курганах, рассеянных по степной полосе. Их прежде много раскапывали, но большей частью раскапывали ненаучно, гонялись за находками вещей из благородных металлов ради пополнения этими вещами музейных коллекций. Прошлого теперь, разумеется, не поправить, хотя надлежало бы доследовать то, что в свое время упущено было сделать, по крайней мере, при раскопке крупных курганов. Теперь раскопки курганов, за редкими исключениями, не производятся, и об этом надо пожалеть. Равным образом, нужно пожалеть и о несостоявшемся предприятии б. Академии истории материальной культуры—издании полного *Corpus tumulorum*, куда должно было войти не только описание курганов с подробным перечислением найденных в них вещей, но и достойное воспроизведение последних. Ибо то, что было издано в прежнее время в различных публикациях, начиная с «Древностей Восточной Киммерийской», далеко не стоит на должной высоте, а некоторые замечательные памятники (хотя бы, например, вещи, найденные при раскопках кургана Солохи) полностью и вовсе не изданы. А как все эти и им подобные памятники из скифских могил были бы важны для характеристики скифов и их культуры, которая хотя и стояла в течение долгого времени под значительным влиянием культуры эллинской, но тем не менее за все

время своего существования сохраняла свои национальные черты и вкусы, имела свое собственное, скифское, производство. Нужно приветствовать, что теперь этому производству уделяется достаточное внимание, и продукты его не выбрасываются за борт, как негодный хлам, а подвергаются серьезному изучению.

Хотя мы и теперь обладаем достаточным количеством скифского материала, а в будущем, при интенсивно проводимых раскопках на почве Скифии, будем располагать им в еще большем количестве, все же историю Скифии, как таковой, вряд ли удастся воссоздать. Тут всегда будет давать себя чувствовать крайне ограниченное количество сведений о Скифии в письменных источниках. В самом деле, главный источник о ней—Геродот—сообщает краткие сведения о начальном этапе истории Скифии—о вторжении скифов в Европу и о проникновении их в Азию, где они господствовали, по его словам, в течение 28 лет и проникли даже в Египет⁹. Далее Геродот излагает, сравнительно кратко, скифский поход Дария, материалами для чего Геродоту могли служить сведения, полученные им от его персидских осведомителей, рассказы понтийских и, главным образом, ионийских греков. Этот материал Геродот свободно обработал, снабдив его сочиненными им речами действующих лиц и своими собственными соображениями¹⁰. Дальнейшие известные нам факты из истории Скифии, являющиеся в полном смысле *disiecta membra*, теснейшим образом переплетаются с историей греческих колоний Северного Причерноморья. Но если для воссоздания истории Скифии, как сказано, мы не располагаем необходимым материалом, то для исторического эскиза скифской культуры, во всех ее разнообразных проявлениях и на различных стадиях ее развития, в нашем распоряжении имеется достаточное количество данных, почерпаемых как из письменных (помимо Геродота, в особенности в приписываемом Гиппократу трактате *περί ἀέρων ὑδάτων τόπων*), так, главным образом, из вещественных источников, и подвести итоги этому, пожалуй, пришла пора. При этом для заполнения лакун придется обратиться не к каким-либо далеким аналогиям, а прежде всего к аналогиям, географически близким: я имею в виду результаты археологических исследований, интенсивно и с успехом за последнее время ведущихся в Румынии, Болгарии и Венгрии. Нужно иметь в виду, что когда политическая роль скифов была сыграна, их имя, а в связи с ним и элементы их культуры не исчезли всецело, хотя имя «скифы» стало употребляться в широком значении и служило для обозначения всех кочевых племен, населявших европейскую и азиатскую Сарматия, и распространилось, в конце концов, даже на Северную Азию¹¹.

Термин «Сарматия», сменивший термин «Скифия», получил свое название по имени сарматов, которое вытеснило прежнее их название «савроматы». Теперь никто уже не сомневается в этнической принадлежности сарматов к скифскому племени. Поздние писатели сопоставляют иногда сарматов со скифами; но «скифов» в собственном смысле, т. е. скифских

⁹ Этот эпизод в истории скифов подлежит ведению, прежде всего, востоковедов, поскольку здесь, наряду со свидетельствами Геродота и незначительными дополнениями к нему других античных писателей, важное значение имеют восточные источники.

¹⁰ Ср. Jacoby, RE, Suppl. II, 433 сл.

¹¹ О Сарматии и сарматах ориентирующие статьи К. Кречмера в RE, I A, 2542—2550; II A, 1—13, с дополнениями соответствующих статей из «Лексикона» Эберта. См. также Cambridge Ancient History, XI (1936 г.), 91—104 (M. Rostovtzeff).

сколотов, следует, во всяком случае, отличать от сарматов. Близкое родство сарматов со скифами сказывается не столько в бытовом отношении (бытовые черты у всех кочевых племен являются более или менее общими), сколько в языке, потому что, по словам Геродота (IV, 117), сарматы говорят по-скифски, хотя и не совсем чисто; вероятно, сарматская речь представляла собою особый диалект скифского языка. Во время Геродота сарматы обитали еще к востоку от Танаиса (Дона). У Диодора Сицилийского (II, 43) сохранилась заметка, что сарматы пришли в Северное Причерноморье из Мидии (Плиний, N. H. VI, 19, называет их прямо *Medorum suboles*). Из показаний различных древних писателей, с Геродотом во главе (см. IV, 110—116), приходится заключать о том важном значении, какое в быту сарматов имела женщина—явный показатель о существовании у них в свое время матриархата. Еще в перипле, слывшем под именем перипла Скилака (fr. 70, 71) и относящемся к середине IV в. до н. э., сарматы характеризуются, как *γυναικοκρατοῦμενοι*, управляемые женщинами. Эта бытовая черта, роднящая сарматов с такими племенами, как ликийцы, лидийцы, карийцы и пр., заслуживала бы специального рассмотрения.

О том, что было с сарматами до начала II в. до н. э., мы не осведомлены. Около этого времени они, под воздействием начавшегося передвижения племен, обитавших, грубо говоря, к востоку от Танаиса, вынуждены были перейти эту реку, вытеснить большую часть живших там скифов с тем, чтобы занять их место. По свидетельству Диодора (II, 43), сарматы подвергли опустошению значительные участки Скифии и заняли их. После того как сарматы перешли Танаис, они, естественно, должны были вступить в общение с греческими колониями в Крыму, что, в свою очередь, побудило и греков обратить на них внимание. С тех пор и сведения о сарматах в памятниках античной письменности становятся и чаще и обильнее. На основе этих сведений мы имеем возможность составить себе представление о тех отдельных племенах, на которые делились сарматы; и поэтому было бы желательно более или менее точно локализовать эти племена, так же, как и скифские, на современной карте, при помощи тщательного разбора указаний древних писателей и археологических находок. Вообще же было бы целесообразно объединить рассмотрение всех вопросов, связанных со скифами и сарматами, в одно целое, поскольку те и другие представляют собою единый этнический комплекс, с теми или иными, впрочем, разновидностями. К рассмотрению этого комплекса можно было бы присоединить и разбор известий древних писателей о тех племенах, которые соседствовали со скифами и сарматами.

Помимо тавров, скифов и сарматов, представлявших собою туземное население Северного Причерноморья, в нем обосновалось и население пришедшее—греки. Греками Северного Причерноморья наука занималась больше, чем его туземцами, и по вполне понятной причине. Историческая традиция сохранила в трудах античных писателей значительное количество сведений, хотя и в разрозненном виде, о северочерноморских колониях. Помимо этого, мы обладаем документальными источниками—надписями и монетами, а также большим запасом вещественного материала, поскольку он уже открыт и пущен в научный обиход. И несмотря на это, нужно признать, что истории северочерноморской колонизации во всем ее объеме у нас до сих пор не имеется¹².

¹² «Исследования об истории и государственном устройстве Ольвии» В.В.Латышева, вышедшие в свет 50 лет тому назад, были построены исключительно на литературных

Греки, преимущественно ионийские милетцы, познакомились с берегами Северного Причерноморья, вероятно, уже в первой половине VII в., но правильно организованная колонизация его началась лишь с первой половины VI в. Этой правильно организованной колонизации, исходившей по почину метрополии, выславшей колонию, должно было предшествовать основание торговых факторий, возникновение которых обязано было частной инициативе милетских мореходов. Самой ранней из основанных Милетом колоний в Северном Причерноморье была Ольвия, лежавшая на правом берегу Гипаниса (Буга), в километре расстояния к югу от теперешнего села Парутина¹³. Древние хронографы относили основание Ольвии к середине VII в. Возможно, что эта дата должна быть понижена на несколько десятилетий; во всяком случае, вряд ли Ольвия была основана позднее середины VI в. Существеннее, однако, то обстоятельство, что возникла она на месте существовавшего там ранее скифского поселения¹⁴. Это подтверждается, между прочим, и составом архаического некрополя Ольвии, являющегося, по своему характеру, некрополем смешанным, греко-скифским.

В течение второй половины VI в. возникли милетские колонии в восточной части Крыма, на Керченском полуострове: Пантикапей (Керчь) и Феодосия; тогда же на Таманский полуостров выведена была из ионийского Теоса колония Фанагория, к которой, немного времени спустя, присоединились милетские колонии Гермонасса и Сады (Κήποι)¹⁵. Все эти города составили то ядро, из которого возникло Боспорское государство¹⁶. Не ранее середины V в., но и не позднее конца этого века, Гераклея Понтийская, колония дорийских Мегар, вывела свою колонию в Херсонес Таврический (около Севастополя), бывший единственным дорийским городом в Северном Причерноморье, сохранившим за все время своего существования дорийский характер, хотя бы в своем говоре. Вероятно, впрочем,

источниках и надписях, частично с привлечением нумизматического материала, но без привлечения материала археологического, которого, впрочем, в то время, когда писалась книга Латышева, и не было, так как правильно поставленные и систематически проводимые Б. В. Фармаковским раскопки Ольвии начались только с первых годов XX в. Все же книга Латышева и по сие время сохраняет свое значение. Зато ни для Херсонеса, ни для Боспорского государства сочинений, равноценных монографии Латышева, не имеется, хотя отдельные вопросы, связанные с Херсонесом и Боспором, прекрасно разработаны. Это нужно, в особенности, сказать о нумизматических трудах А. Л. Бертъе-Делагарда и А. В. Орешникова, о капитальной работе М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб, 1914), равно как и о ряде его статей, посвященных Северному Причерноморью в античную эпоху.

¹³ Против Березанского лимана лежит каменистый и необитаемый остров Березань. При раскопках, производившихся на Березани в первом десятилетии XX в., открыто было милетское, вероятно, рыбацкое поселение, может быть, даже милетская фактория, так как предполагают, что в давнюю пору лиман соединялся с берегом. Возникает вопрос, не являлось ли это поселение первоначальным местом, где обосновались милетцы до возникновения Ольвии. Вопрос этот не утратил своего интереса и теперь, хотя на Березани дальнейших раскопок не производилось; на основании найденного при прежних раскопках материала, главным образом, керамического, следовало бы постараться выяснить взаимоотношения между Ольвией и Березанью, и тогда, быть может, оказалось бы возможным установить и приоритет или Березани или Ольвии.

¹⁴ Ср. Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга. «Изв. Акад. наук», 1925, 663 сл. Жебелев, Счастливые города. Сборник статей в честь Н. Я. Марра (издание ГАИМК).

¹⁵ Местоположение двух последних колоний пока не удалось установить с точностью.

¹⁶ Подробности у Жебелева, Возникновение Боспорского государства. «Изв. Акад. наук», 1930, 799 сл.

что до водворения гераклейцев в Херсонес там существовала ионийская фактория¹⁷.

Итак, на протяжении, примерно, полутора веков в Северном Причерноморье возникло три главных очага эллинизма: на крайнем западе Ольвия (сюда же нужно отнести лежавшую к югу от нее Тиру, б. Аккерман) на левом берегу Буго-днестровского лимана, Херсонес—на южной оконечности Крыма, города Боспорского государства, с Пантикапеем и Фанагорией во главе, по обоим берегам Керченского пролива (Феодосия уже в первой половине IV в. вошла в состав Боспорского государства). Помимо перечисленных городов, возникли с течением времени и другие, менее значительные. Все эти греческие города были расположены на морском берегу или в непосредственной близости от него; во внутреннюю часть Северного Причерноморья греки не углублялись. Самым крайним распространением их на севере нужно считать лежавший в устьях Танаиса (Дона) одноименный город, вошедший с течением времени в состав Боспорского государства, которое представляло собою наиболее обширное из греческих колониальных образований в Северном Причерноморье, так как в состав его к концу IV в. входил не только весь Керченский полуостров до Феодосии включительно, но и Таманский полуостров, а также территория по нижнему течению Гипаниса (Кубани) и его притоков, приобретенная, так же как и Феодосия, в результате завоевательной экспансии правителей Боспора. Южной границей Боспорского государства должно считать селение Батà около теперешнего Новороссийска¹⁸. Что касается Херсонеса, то в состав его входил не только Гераклеийский полуостров, но и ряд укрепленных пунктов на западном берегу Крыма¹⁹. Владения Ольвии, повидимому, ограничивались территорией, занимаемой самим городом; впрочем, быть может, это предположение придется изменить, после того как будет исследована в археологическом отношении территория, к Ольвии примыкающая.

Что влекло милетцев на такую далекую окраину от центра греческого мира, какой являлось Северное Причерноморье? Природные богатства последнего, в первую очередь, зерновой хлеб и рыба, затем домашний скот, мед, воск, соль; наконец, немалую притягательную роль играла и возможность переброски в материковую Грецию, на острова Архипелага и в Малую Азию рабской силы из туземцев Северного Причерноморья²⁰. Таким образом, при основании колоний в Северном Причерноморье преследовались преимущественно торгово-экономические цели и ими обусловлена была вся экономическая политика, например, Боспорского государства, наилучше нам известная. Особенно важную роль играл, конечно,

¹⁷ Подробности у Жебелева, Возникновение Херсонеса Таврического. «Доклады Акад. наук» 1930, 157 сл.

¹⁸ Подробности у Жебелева, Образование Боспорского государства. «Изв. ГАИМК» вып. 104, 1934, 7 сл.

¹⁹ Подробности у Жебелева, Херсонесская присяга. «Изв. Акад. наук», 1935, 315 сл.

²⁰ Подробности у Жебелева, Основные линии экономического развития Боспорского государства. «Изв. Акад. наук», 1934, 589 сл., 661 сл. Сказанное в этой работе о Боспоре, *mutatis mutandis*, вполне приложимо и к Ольвии, уступавшей, конечно, Боспору в своем экономическом развитии. Что касается Херсонеса, то он находился за все время своего существования в античную эпоху в постоянных сношениях со своей метрополией Гераклеей и, вероятно, туда, главным образом, вывозил излишки своих природных богатств, в том числе также и зернового хлеба. См. Жебелев, Херсонесская присяга. «Изв. Академии наук» 1935, 923 сл.

хлебный экспорт, поскольку материковая Греция, за исключением немногих ее областей и некоторых островов Архипелага, никогда не в состоянии была прокормиться своим хлебом.

Греческие колонии Северного Причерноморья в пору их независимого существования никогда не представляли собою чего-либо похожего на единое греческое государство на далекой окраине. Ольвия, Херсонес, города Боспорского государства не состояли ни в каком-либо союзе между собой объединении, ни в подчиненном отношении друг к другу. Ольвия и Херсонес все время оставались демократическими республиками по типу греческих полисов. И отдельные города Боспорского государства были организованы в своем внутреннем управлении по типу полиса, но они уже в начале V в. (до 480 г.) объединились вокруг Пантикапея и правящей в нем тогда династии Археанактидов, ведшей свое начало от милетца Археанакта, который, надо полагать, был *οικιστής* Пантикапея, т. е. организатором колонии. От Археанактидов власть перешла в силу неизвестных нам причин в 438 г. в руки Спартокидов (по имени первого правителя этой династии Спартока). Правившие на Боспоре Спартокиды в течение V и IV вв. носили официально титул архонтов (пожизненных) по отношению к греческим городам, входившим в состав государства, царями же они именовались лишь в отношении к подвластным им туземным племенам на азиатской стороне Боспора. Лишь с конца IV—начала III в. Спартокиды приняли царский титул в отношении всего Боспорского государства, которое с этого времени и до конца своего существования в IV в. н. э. имеет *de iure* право на то, чтобы именоваться Боспорским царством. Впрочем, *de facto* и власть боспорского архонта была властью монархической, но не тираннической в античном понимании этого термина (некоторые античные писатели называют, правда, боспорских архонтов-царей «тираннами», но такое обозначение их документально не засвидетельствовано и, по существу, неправильно).

Существование греческих колоний Северного Причерноморья обусловлено было, в первую очередь, теми отношениями, в каких находились они к окружавшему их и отчасти проживавшему в них туземному населению, прежде всего, к скифам в Ольвии и на Боспоре, к таврам в Херсонесе.

До второй половины III в. до н. э. мы ничего не слышим о каких-либо враждебных столкновениях между греками и туземцами. Напротив, есть все основания думать, что туземные верхи, владевшие большими участками плодородной земли, обрабатываемой рабами, вошли в тесный контакт с греками, поскольку это могло сулить туземным верхам только выгоды, так как они получали возможность вступить с греками в постоянный товарообмен. На Боспоре Спартокиды приложили все усилия к тому, чтобы вовлечь туземные верхи в круг своих коммерческих интересов. Сближение греков с ними повело к тому, что эллинизация среди них стала развиваться быстро и успешно. Однако, начиная с последних десятилетий III в. до н. э., степную полосу Северного Причерноморья стали наводнять, как указано было выше, сарматские племена и вытеснять из нее скифов. Процесс вытеснения скифов сарматами происходил, конечно, постепенно. Прежде всего он отразился на Ольвии, которая лежала далеко от греческих колоний, находившихся в Крыму. «Протогеновский декрет» (IosPE 1² 232-Dittenberger, Syll³. 495), относящийся ко времени не позднее 213/2 г., рисует тревожное положение Ольвии, страдающей от напора на нее скифских племен и вынужденной спасаться от них «дарами» скифским царям и царькам.

Но щедрость Протогена, а может быть, и других ольвиополитов не могла помочь беде, и Ольвия была вынуждена, в конце концов, признать над собою с конца III в. суверенитет скифских царей. В первой половине II в. скифы, которых продолжают вытеснять из степной полосы сарматы, сосредоточиваются в степном Крыму, что создавало явную угрозу Херсонесу. Опираясь на свои связи с Гераклеей, Херсонес ищет поддержки против скифов у понтийского царя Фарнака. А когда в конце II в. напор скифов стал угрожать самому Херсонесу и его независимости, херсонесцы были вынуждены отдаться под защиту одного из преемников Фарнака, Мифрадата Евпатора, избрав его своим «предстоятелем» (*προστάτης*), иными словами, отдав свое государство под покровительство и защиту понтийского царя.

Важным фактором во всей обстановке середины II в. в Крыму было то, что скифы, бывшие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В тылу у Херсонеса образовалось объединенное Скифское государство (с центром около нынешнего Симферополя), во главе которого стал царь Скилур, способный, понимающий свои задачи правитель. Он заручился союзом с одним из самых сильных сарматских племен, с роксоланами, поселившимися по северо-восточному берегу Мэотиды (Азовского моря). Став господином Ольвии, Скилур стал стремиться расширить границы своего царства в юго-восточном направлении. Тут взоры Скилура должны были направиться прежде всего на Херсонес, как на удобный и хорошо защищенный порт (напасть открыто на Херсонес Скилур, быть может, и не решался до поры до времени, имея в виду, что Херсонес был в союзе с Понтийским царством). Царство Скилура правильно характеризуется не как скифское, а как греко-скифское царство, заключавшее в себе много элементов, заимствованных из обихода греческих колоний. После смерти Скилура власть перешла к его старшему сыну Палаку, продолжавшему политику своего отца. Политика же эта состояла в том, чтобы вытеснить с приморской полосы греков и, заняв их место, получить те выгоды, которыми пользовались греки, обладавшие непосредственным доступом к морю. Для греческих колоний Северного Причерноморья, для которых в течение долгого времени окружающее их туземное население было исключительно предметом эксплуатации, создавалась теперь серьезная опасность, которую Херсонес думал предотвратить при помощи могущественного Понтийского царства. Это было тем более необходимо, что Палак успел уже завладеть теми укрепленными пунктами, принадлежавшими Херсонесу, которые находились на западном побережье Таврики. Примеру Херсонеса вскоре последовало и Боспорское царство. Его царь Перисад, не будучи в состоянии противодействовать напору скифов, отрекся от престола и передал власть Мифрадату Евпатору. Последнему не без труда, однако, удалось укротить скифов, угрожавших Херсонесу.

А в Боспорском государстве, в связи с отречением Перисада от престола, произошло восстание скифских рабов под руководством раба Савмака, провозгласившего себя царем и удерживавшего власть в своих руках, по меньшей мере, в течение года, пока восстание не было подавлено, и опять-таки не без труда, военной силою, посланною Мифрадатов. Об этом первом, насколько известно, революционном восстании, имевшем место на территории СССР, я говорил подробно в одной из своих работ («Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Изв. ГАИМК», вып. 70, 1933) и здесь возвращаться к этому не буду.

После подавления восстания весь Таврический полуостров вошел в состав Понтийского царства²¹. Жители Таврики были обложены ежегодной данью, должны были, сверх того, удовлетворять Мифрадату натурой, поставлять для его армии живую силу, главным образом, конечно, из среды туземного населения. После смерти Мифрадата Таврика переживает долгий период почти непрерывной борьбы за власть между его преемниками. При этом нужно отметить тот факт, что претенденты на боспорский престол ведут борьбу между собою, опираясь, главным образом, на скифов и сарматов, служивших в большом числе в их армии. С другой стороны, в то же время скифские и сарматские племена, жившие в степной полосе, примыкающей к Таврике, постоянно тревожат ее своими набегами. Все это должно было отразиться на ее экономическом благосостоянии. Та основа, на которой оно покоилось в свое время, испытывала серьезные затруднения из-за военных действий, происходивших тогда на морских путях сообщения²².

Приблизительно одновременно с тяжелыми событиями, происходившими на Таврическом полуострове, Ольвия жестоко пострадала от разгрома, нанесенного ей западными соседями, гетами, нашествие которых на Ольвию может быть приурочено к 60—50 гг. I в. до н. э. Город был разорен, можно сказать, до основания. Жители разбежались, вероятно, в греческие города Таврического полуострова. Однако лишь только миновала беда, ольвиополиты собрались на старое пепелище и занялись восстановлением города. Характерно отметить, что этого желали и окрестные и проживавшие в городе скифы. Они указывали на то, что после разорения Ольвии прекратился приток туда греческих купцов из-за границы, а между тем, скифы нуждались в них, чтобы сбывать им свои товары и получать от них товары греческие. Со времени восстановления Ольвии начинается новый, римский период ее истории, который может быть прослежен на протяжении почти трех столетий. Характерной чертой этого периода является начавшееся уже раньше все большее и большее скрещивание греческих элементов ее населения с туземными, скифскими. Мы ничего не слышим о том, чтобы теперь скифы тревожили город своими набегами; это зависело, вероятно, от того, что Ольвия получала для своей обороны военную силу от римлян. До Септимия Севера, когда Ольвия была присоединена к римской провинции Нижней Мёзии, она продолжает оставаться *civitas libera* и сохраняет свой демократический строй. Разрозненные известия об Ольвии доходят до IV в.

Для Таврического полуострова I век до н. э., как было указано, является мрачной эпохой. Его материальное благосостояние начинает возрождаться лишь со времени утверждения Римской империи, со времени установления *paх Romaпа*. Вплоть до IV в. римское правительство очень бережно относилось к Боспорскому царству, в состав которого входил и Херсонес, временами, однако, получавший, не без содействия, надо полагать, своей метрополии, Гераклеи, «свободу» и пользовавшийся тогда автономией.

²¹ Входила ли Ольвия формально в состав Понтийского царства, остается под вопросом. Но, несомненно, и она стояла в какой-то зависимости от понтийского царя. Подробности—в имеющей вскоре появиться моей особой статье.

²² Включение Таврики в состав Понтийского царства повело, между прочим, к тому, что в нее устремились переселенцы из областей, подвластных Мифрадату и его преемникам. В числе этих переселенцев были и евреи, наличие которых в Боспорском царстве, а также, вероятно, и в Ольвии, в императорский период засвидетельствовано документально.

Римское правительство не обратило Таврический полуостров в провинцию. Оно ограничилось тем, что прочно установило свой суверенитет над Таврикой. Никаких дальнейших завоеваний здесь Рим не предпринимал, о расширении границ, о завоевании того, что лежало за пределами полуострова, не заботился; он хотел прежде всего использовать в своих интересах природные богатства Боспорского царства. Поэтому римское правительство принимало все меры к тому, чтобы наладить с ним торговые сношения, старательно поддерживать их, охранять от всех помех, могущих препятствовать этому. К тому же Таврика была расположена слишком далеко от Рима, как административного центра империи. Поэтому подчинение Боспорского царства посылаемому из Рима правительственному агенту вряд ли могло бы служить для осуществления тех целей, которые Рим прежде всего преследовал. И вот Боспор, его европейская и азиатская части, был предоставлен управлению местных наследственных царей. Таким путем имперское правительство избавлялось от необходимости регулировать отношения Боспорского царства с окрестными туземными племенами, являвшимися беспокойной массой, от которой временами нужно было обороняться. Но Рим хорошо сознавал, что местной власти было бы не под силу вести оборону собственными силами, без римской поддержки. Поэтому в главных пунктах Таврики, специально созданных и укрепленных, были поставлены римские гарнизоны, откомандированные из римской провинции Мёзии, а в черноморских водах стояла римская эскадра, взятая из Равеннского флота. Помимо этого, боспорские цари, юридически независимые, но фактически стоявшие как бы в вассальных отношениях к римскому императору, ежегодно получали из Рима «подарки», т. е. денежную субсидию, шедшую, главным образом, на содержание боспорской армии, задача которой состояла в том, чтобы отражать происходившие по временам набеги окрестных племен. Благодаря сложившемуся положению, Боспорское царство получило возможность восстановить свое благосостояние, нарушенное понтийской оккупацией и связанной с нею внутренней неурядицей, и просуществовать до IV в. н. э. включительно.

Экономическое развитие Боспорского царства в эпоху империи шло, в существенных чертах, по тому же руслу, что и раньше. Боспор и теперь вел оживленную торговлю, главным образом, хлебом и рыбой. Изменились лишь центры, куда экспорт направлялся. Вместо материковой Греции (главным образом, Афин), островов Архипелага и отчасти М. Азии, этими центрами стало теперь преимущественно Южное и Западное Причерноморье, где стояли римские армии. Экспорт должен был усиливаться особенно в то время, когда римские императоры передвигали большие войсковые части с востока на запад и обратно. Не прекратились торговые сношения и с туземными племенами, обитавшими к северу и северо-востоку от Боспора. Сношения эти шли, скорее всего, через Пантикапей и достигали Танаиса, расцвет которого падает как раз на императорскую эпоху.

Экспорт, как и прежде, влек за собою импорт тех товаров, в которых нуждались Боспорское царство и соседние с ним области. О наличии этого импорта свидетельствует инвентарь боспорских и херсонесских погребений эпохи империи. Этот инвентарь почти столь же богат, что и в эпоху высшего процветания Боспора в IV и в первой половине III в. до н. э. Обилие содержащихся в этом инвентаре предметов из драгоценных металлов говорит о том, какое большое количество их обращалось

в Боспорском царстве. Ибо едва ли было бы правильно думать, что все предметы из драгоценных металлов, находимые в погребениях, ввозились. Очевидно, часть их выделялась в местных мастерских, существование которых мы, несомненно, должны предполагать и в предшествующее время. Этот сложный вопрос, т. е. разграничение предметов привозных и предметов, изготовлявшихся на месте приезжими или местными мастерами, может послужить предметом специального исследования, материала для которого имеется уже достаточно. Даже беглые наблюдения над характером погребального инвентаря показывают, что в I в. н. э. он остается еще, в значительной части, чисто греческим или исполненным в греческих традициях. Зато в погребениях II и III вв., наряду со старым, появляется и нечто новое, и оно свидетельствует о значительной эволюции в сторону усиления «варваризации» всего жизненного уклада Боспора, т. е. проникновения элементов туземной культуры в культуру греко-римскую. Начало этого проникновения восходит бесспорно к самому моменту появления греков в Северном Причерноморье. Ибо «варваризация» греков, живших в «варварском» окружении, была столь же естественна и неизбежна, как и «эллинизация» «варваров», по крайней мере, верхних слоев их. Безошибочно можно утверждать, что и Боспор, и Херсонес, и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени во всем направлении своей экономической жизни. С другой стороны, и туземцы должны были многое воспринять от греков. В результате постепенной ассимиляции пришлого и туземного населения должна была создаться в Северном Причерноморье та своеобразная «греко-варварская» культура, которая придает ему во всех отношениях такой своеобразный облик, какого мы не встречаем нигде в другом месте античного мира. Эти своеобразные свойства Северного Причерноморья уже сами по себе заслуживают того, чтобы история его в античную эпоху стала предметом тщательного изучения.

Плодотворность его зависит в немалой степени от обогащения наших источников. Быть может, судьба пошлет нам это обогащение и в виде литературных источников, но она уже, несомненно, сулит его в виде источников документальных (надписей и монет) и всякого рода памятников материальной культуры, добываемых в результате раскопок древних городов и селений Северного Причерноморья. Истекшие 20 лет воочию убеждают нас в этом. За этот период времени возобновились раскопки в Ольвии, в Херсонесе, на Керченском полуострове, на месте древнего Танаиса и в других местах Северного Причерноморья. Вот краткие сведения о результатах этих раскопок.

В Ольвии раскопки велись совместно Академией наук УССР и б. Академией истории материальной культуры. При них был открыт значительный участок в центральной части верхнего города с его главной улицей, а также большое число частных жилых зданий и производственных комплексов (зернохранилище, кузнечно-литейная мастерская эллинского и эллинистического времени). В крайней северо-восточной части города, у северной городской стены, был раскопан большой квартал IV—II вв. до н. э.; расположенные на нем два здания представляют большой интерес для характеристики городского строительства в эллинистическую эпоху. В нижнем городе было открыто здание пекарни II—III вв., полуподвальное, с четырьмя большими печами. Производились раскопки и на ольвийском некрополе (склепы римского времени, а также могилы различных типов

и разных эпох). В 1937 г. открыты были в нижнем городе остатки оборонительной стены I в. н. э. Со стороны верхнего города к этой стене были пристроены жилые здания, вплотную примыкающие друг к другу. Но самая важная находка—это открытие в верхнем городе архаического некрополя середины VI в. до н. э.; было раскопано 11 погребений, и в них найдено много экземпляров архаической керамики. В верхнем городе открыто также новое здание, состоящее из двора, мощеного каменными плитами, и ряда помещений. Ольвийские раскопки сопровождались находками многочисленных и разнообразных предметов (свыше 20 000) греческого и местного производства.

Наиболее важные результаты херсонесских раскопок, производившихся на средства местного музея, выразились в следующем: открыт ранний некрополь V—IV вв. до н. э., отдельные погребения в котором принадлежат греческому и туземному населению; открыты архитектурные комплексы IV—II вв., один из которых имел производственное назначение (красильное производство, керамическая мастерская); открыты два больших здания римского времени, служившие рыбозасолочными цистернами; на Гераклейском полуострове открыто большое здание с жилыми, хозяйственными и оборонительными сооружениями. В 1937 г. при раскопках некрополя открыто 20 могил и 4 склепа, вырубленные в скале, относящиеся к I—III вв.; между Стрелецкой и Песочной бухтами, в расстоянии полукилометра от Херсонеса, открыты большие комплексы эллинистической и римской эпох. Нечего и говорить, что и херсонесские раскопки сопровождались находками многочисленных и разнообразных предметов промышленного производства. Попутно надо отметить, что наряду с открытием памятников, относящихся к античному времени, идет и открытие памятников Херсонеса средневекового, также замечательных.

На Керченском полуострове, помимо археологических разведок, производившихся в различных пунктах Керченским музеем, с 1932 г. велись на средства ГАИМК и при поддержке Управления новостроек систематические раскопки в двух пунктах: в теперешнем Камыш-Буруне (к югу от Керчи), на месте древней Тиритаки, и в Мирмекии, к северо-востоку от Керчи. Раскопками, далеко не законченными, удалось установить, что оба эти поселения возникли еще в VI в. до н. э. и существовали вплоть до IV в. н. э. включительно. При раскопках Тиритаки обнаружены памятники не только греческие и римские, но также и памятники туземного производства, восходящие к доколониационному периоду. В римское время Тиритака являлась крупным рыбопромышленным центром, заготавливавшим консервированную рыбу: раскрыты многочисленные остатки рыбозасолочных хозяйств, применявших при производстве огромные цементированные ванны; к римскому же времени относятся две замечательные винодельни. Такие же три большие винодельни и ряд отдельных орудий производства открыты были и при раскопках в Мирмекии. В 1937 г. открыли в Мирмекии оборонительную стену с башнями, построенную в начале IV в. до н. э., постройки, принадлежащие большому раннеримскому хозяйству (цементированные цистерны, вероятно, для засола рыбы).

Продолжалась археологическая работа и в станице Елисаветинской, где был расположен первоначально древний Танаис, переместившийся в эллинистическо-римское время в теперешнюю Недвиговку. При раскопках и разведках был найден богатый керамический материал, отчасти

привозной, отчасти местный²³. На азиатской стороне Боспора в 1936 г. начаты раскопки Московским историческим музеем на месте Фанагории. Наконец, должно отметить также небольшие археологические работы в Краснодарском районе, в Азово-Черноморском крае.

Все перечисленное мною лишь в главных чертах показывает, как оживленно шла археологическая работа в Северном Причерноморье. Все эти полевые работы сопровождались составлением участниками их обширных и обстоятельных отчетов, к опубликованию которых только с этого года приступлено. На эту сторону дела, т. е. на своевременную публикацию отчетов, должно быть обращено самое серьезное внимание, ибо, как справедливо замечено одним из покойных крупных археологов (Т. Виганд), раскопки, не сопровождающиеся печатными отчетами о них,—ничто. Пояснять это не приходится: пока отчеты о произведенных раскопках не опубликованы, результаты их для научно-исследовательской работы—мертвый капитал.

Существенно необходимо также организовать раскопочные работы так, чтобы ежегодно археологическая кампания в том или другом месте продолжалась возможно более продолжительное время, а не месяц-два, как это происходило и происходит теперь из-за недостатка средств, часть которых ежегодно должна уходить еще на всякого рода организационные работы и приспособления к данной археологической кампании. Наконец, нужно постоянно помнить о том, чтобы раскопочная площадь охранялась от могущего произойти ее разрушения и порчи. Археологическая работа в Северном Причерноморье дала много, многие работники, и работники энергичные, отдают ей свои силы и свои знания и на практическом и на теоретическом поприще²⁴. Но нужно думать и о грядущей смене, о создании молодых кадров, которые должны включиться в работу своих старших товарищей хорошо вооруженными, чтобы тем самым обеспечить дальнейшее изучение истории Северного Причерноморья в античную эпоху во всех ее проявлениях²⁵.

²³ Этот материал подвергся детальному обследованию в работах Т. Н. Книпович—Опыт характеристики городища у ст. Елисаветинской и Торговые сношения греков в области реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. «Известия ГАИМК», вып. 104.

²⁴ В дополнение к указанным выше работам, появившимся за последние 20 лет, нужно отметить также работы Т. Н. Книпович об ольвийской керамике римского времени и об ионийских вазах, найденных на Таманском полуострове, работы А. Н. Зографа в области античной нумизматики Северного Причерноморья, работы В. Ф. Гайдукевича о керамических обжигательных печах римского времени, его же и Б. Н. Гракова работы о боспорских черепичных клеймах и пр. Все эти работы помещены в изданиях ГАИМК. Херсонесский музей опубликовал три выпуска «Херсонесского сборника».

²⁵ Об очередных археологических задачах этого изучения см. Жебелев—Введение в археологию, I, 1923, 149 сл. К ним нужно присоединить еще подготовительные работы по составлению археологической карты Северного Причерноморья.